

УДК 811.11

Е.А. МОРДВИНКИНА

(elena.mordvinkina@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

РАССКАЗ «ФОКУС-ГРУППА» ИЗ РОМАНА В. ПЕЛЕВИНА «ДПП (NN)» В БИБЛЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ*

Анализируются особенности имен персонажей в рассказе «Фокус-группа» из романа современного прозаика В. Пелевина «ДПП (NN)». Особое внимание уделяется ассоциациям с библейскими текстами.

Ключевые слова: Библия, автор, имя персонажа, симулякр, грех.

Постмодернистское письмо В. Пелевина, как и все постмодернистские тексты, организовано так, что в нем все «приходится *распутывать*, но *расшифровывать* нечего; структуру можно проследить, “протягивать” <...> во всех ее уровнях, однако невозможно достичь дна; пространство письма дано нам для пробега, а не для прорыва; письмо постоянно порождает смысл, но он тут же и улечивается, происходит систематическое высвобождение смысла» [2, с. 390]. Однако Пелевин не просто включает читателя в игру по разгадыванию хитроумных кроссвордов, отсылая его к явлениям истории и культуры разных народов, стран и эпох, но и заставляет задуматься над вечными вопросами бытия, не столько погружая на «дно» жизни, сколько напоминая о нравственных высотах. Роман В. Пелевина «ДПП (NN)» («Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда»), опубликованный в 2003 г., является явным тому подтверждением. Конечно, здесь писатель обращается к разнообразным русским и зарубежным культурным претекстам начиная от античной мифологии и русской классики XIX в. и заканчивая «Звездными войнами», а также покемонами. Интертекстуальный пласт русской классики достаточно отчетливо явлен [5]. Но главное: в нем прослеживаются отсылки к «книге книг» – Библии.

Несмотря на жанровую фрагментарность романа (произведение содержит в себе и элегию, и роман, и повесть, и пять рассказов), «ДПП» воспринимается как целостное произведение, поскольку все в нем – и события, и персонажи, и детали – ассоциативно связано с Библией. Наиболее интересным в этом плане предстает рассказ «Фокус-группа», так как в нем Пелевин претворяет в образах своих персонажей семь смертных грехов.

Здесь разнородные дискурсы связывает в одно целое сюжет, который строится на беседе душ семерых умерших с неким фантастическим Светящимся Существом. Стоит отметить, что писатель заостряет внимание читателей на числе семь, которое фигурирует и в романе «Числа», тоже входящем в «ДПП», возможно, потому, что автор стремится напомнить своим современникам о семи смертных грехах, которые он персонифицирует в образах своих персонажей, как всегда, маркируя их определенными знаками. У Пелевина это обычно «паттерны, заимствованные из стереотипов мышления» [15, с. 143]. В рассказе «Фокус-группа» в первую очередь актуализируются знаки, связанные с мотивами и образами Библии: в центре рассказа некое Светящееся Существо открывает усопшим дорогу в желанный рай. Отец Серафим в книге «Душа после смерти» (2010) пишет о встречах людей со «светящимся существом», которые обычно происходят перед смертью человека, следующее: «Большинство людей описывает это переживание как появление света, который быстро увеличивается в яркости; и все опознают его как некую личность, наполненную теплотой и любовью <...> все, по-видимому, понимают, что это существо, посланное откуда-то, чтобы сопутствовать им» [13, с. 44–45]. По-видимому, Пелевин опирается на эти воззрения, намеренно «обытовляя» их и делая это с присущей постмодернистам иронией: *С первого взгляда казалось, что Светящееся Существо парит в пространстве безо всякой опоры, как облако, сквозь которое просвечивает солнце. <...> Существо восседало <...>*

*Работа выполнена под руководством Переваловой С.В., доктора филологических наук, профессора кафедры литературы и методики ее преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

в кресле, похожем на что-то среднее между гигантской лилией и лампой арт-деко <...> Каждый видел нечто вроде округлой спины, плеч и накинутаго на голову капюшона, и, глядя на эту спину, делал вывод, что сидящие с другой стороны созерцают лицо <...> Зато все слышали голос – приятный, добродушно-веселый и странно-знакомый, словно бы из какой-то телерадиопередачи [14, с. 318]. В «Фокус-группе» Светящееся Существо ведет беседу с умершими, давая им прозвища, которые отсылают читателя к литературным произведениям, в то же время напоминая о вечном – о смертных грехах, живучесть которых подтверждает не только литература, но и реальность.

Алчность (сребролюбие) – неумеренная склонность к материальным благам: «желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу; ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям» [1Т. VI: 9–10] – воплощена у Пелевина в образе Барби, которая говорит о себе: *Я люблю кататься на яхте. И нырять с аквалангом* [14, с. 319]. Образ Барби приобретает иронический оттенок, поскольку вышучивается не только ее поучительное прошлое, но модель самого образа: Барби – кукла, представляющая уменьшенную модель взрослой девушки с безупречными пропорциями тела; популярная игрушка, появившаяся в России в 1990-х гг. А в рассказе «Фокус-группа» – *блондинка, действительно похожая на куклу Барби после второго развода <...> На ней была туго заполненная грудями футболка с надписью «I wish these were brains»* [Там же, с. 320].

Зависть – грех против десятой заповеди Божьей («Не желай жены ближнего твоего и не желай дома ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабы его, ни вола его, ни осла его, [ни всякого скота его,] ни всего, что есть у ближнего твоего» [Бт. V: 17]), «состоит в том, что люди желают чего бы то ни было, что есть у ближнего» [3, с. 231]. У Пелевина проявляется в образе Дездемоны: *Что они, рай на земле построят? – Сказала Дездемона. – Завидно* [14, с. 333]. Постмодернистски снижая образ Дездемоны – героини трагедии У. Шекспира «Отелло» (*Красавица и ангел доброты* [19, с. 261]), Пелевин представляет ее негритянкой *с серьгами-обручами в ушах: Она говорила с сильным украинским акцентом, но это не казалось несурзным – все уже знали, что она дитя портовой любви из Одессы. Наоборот, сочетание черной кожи с малоросским выговором придавало ей какую-то малосольную свежесть* [14, с. 319].

Особого внимания заслуживает портретная деталь: серьги Дездемоны, превращающиеся в змей: *С серьгами Дездемоны происходило странное <...> Действительно, серьги превратились в свернувшихся кольцами зеленых змеек – когда именно, никто не заметил. Они походили на заготовку, над которой только начал работать невидимый резчик, но в некоторых местах чешуя уже ярко и мокро блестела* [14, с. 323–324]. Е.С. Добин отмечает, что художественная деталь может придать произведению желанную рельефность, законченность, предельную выразительность [6, с. 303]. Несомненно, В. Пелевин использует данную деталь (серьги Дездемоны) не только для раскрытия образа героини, но и для того, чтобы направить читателя к различным текстам-предшественникам. Еще в «Элегии 2», открывающей роман «ДПП (NN)», упоминается древнеегипетский бог Гор, который *изображался в виде сокола, человека с головой сокола, крылатого солнца* [11, с. 310]: *За горем Гор* – переиначенная цитата из стихотворения В. Маяковского «Левый марш» (1918): Там // за горами горя // солнечный край непочатый. // За голод // за мора море // шаг миллионный печатай! [9, с. 24]. Нельзя не отметить и тот факт, что в «Левом марше» (1918) В. Маяковского есть отсылка к библейской истории об Адаме и Еве (*Довольно жить законом, // данным Адамом и Евой*) [Там же, с. 24], в которой также присутствует образ змея (змея, соблазнившего Еву, проклял Бог: змей был обречен ползать по земле и терпеть вражду всех будущих поколений людей [Бт. III: 14]). Таким образом, приемы интертекстуальной игры с читателем позволяют Пелевину стянуть в единый текст произведения, хронологически и идейно далекие, ведь и в упомянутой трагедии У. Шекспира «Отелло» героиня Эмилия в своем монологе в защиту Дездемоны произносит следующие слова: *Ручаюсь вам душой - она чиста. // И если бы вы думали иначе, // Отбросьте эту мысль; она постыдна, // А если вам налгал подлец какой-то, // Да будет проклят он*

проклятьем змея! [19, с. 459]. Гордыня – гордость, эгоизм, себялюбие: «Кто учит иному и не следует здоровым словам Господа нашего Иисуса Христа и учению о благочестии, тот горд, ничего не знает, но заражен *страстью* к состязаниям и словопрениям, от которых происходят зависть, распри, злоречия, лукавые подозрения» [1Т. VI, с. 3] – предстает в образе Отличника: *Зардевшись, Отличник встал и поклонился <...> Отличник широко ухмыльнулся. Ему нравилось персональное внимание Светящегося Существа* [14, с. 330]. Помня о том, что учащийся на «отлично» в СССР – идеал ребенка, у Пелевина это совсем не идеальный персонаж – любитель видеоигр, *молодой человек в круглых очках*, которые обрастают *«какими-то острыми коготками. Пока они были короткими, но вид у них был жуткий. Отличник попытался снять очки, но не смог – оправа будто приросла к ушам* [Там же, с. 330]. Возможно, таким образом автор проводит параллель между Светящимся Существом и мифологическим сфинксом (это «чудовище, порожденное Тифоном и Эхидной, с лицом и грудью женщины, телом льва и крыльями птицы <...> задавала каждому проходившему загадку <...> Не сумевшего дать разгадку С. убивала» [12, с. 479]). Отличник из-за своей гордыни уходит от истины, принимая «за чистую монету» похвалы Светящегося Существа. Привыкший к одобрению своих слов, он, мало образованный (скорее, по-современному «нахватанный»), накрепко прирос не к книгам, а к компьютерным головоломкам.

Гнев – «сильное, возбужденное состояние духа против ближнего, которое греховно или безгрешно, смотря по побуждению и по своей цели и степени» [2, с. 146] – находит свое отражение в Даме с собачкой, в образе которой есть явная отсылка к одноименному рассказу А.П. Чехова. Но если в произведении классика этот образ полон обаяния (*...сколько еще несмелости, угловатости было в ее смехе, в разговоре с незнакомым <...> Вспомнил он ее тонкую, слабую шею, красивые, серые глаза. «Что-то в ней есть жалкое, все-таки», – подумал он и стал засыпать* [17, с. 130]), то в рассказе Пелевина это – женщина *средних лет с короткой стрижкой, на коленях у которой лежала японская сумочка в виде пекинеса с молнией на спине. Выглядел этот пекинес так правдоподобно, что мог, наверно, сойти за живого не только в загробном мире.* Далее, если Чехов изображает и исследует своеобразный архетип любой человеческой жизни; любого человека он берет в аспекте его обыкновенности, похожести на других [16, с. 155], то Пелевин создает симулякры – имитации несуществующего. Жан Бодрийяр считает: «В постмодернистской ситуации, где реальность превращается в модель, оппозиция между действительностью и знаками стирается и все превращается в симулякр. В пространстве тотальной симуляции не существует больше границ между реальным и воображаемым <...> Речь идет о замене реального знаками реального, то есть об операции устрашения всего реального процесса его операционным дубликатом» [4, с. 6].

Своего рода «дубликатом» традиционных представлений о том, «что такое хорошо и что такое плохо», в «Фокус-группе» Пелевина становится и образ Телепузика, воплощающем похоть – «развращение сердца, влекущее ко злу и греху» [3, с. 522]. В библии сказано об этом грехе следующее: «В искушении никто не говори: Бог меня искушает; потому что Бог не искушается злом и Сам не искушает никого, но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью; похоть же, зачав, рождает грех, а сделанный грех рождает смерть» [Иак. I: 13–15]. Потому в образе Телепузика есть оттенок горькой иронии: Телепузик, шагнувший в произведение из одноименной детской передачи, которая была популярна в России в конце 1990-х гг. – нач. 2000-х, цинично заявляет: *Я люблю свободный секс* [14, с. 321]. Несообразна и внешность персонажа: если телепузик с экрана похож на человека, но он плюшевый, на голове у него антенна, а на животе телевизор, то у Пелевина: *Телепузик был не просто толстый, а отталкивающе толстый – он походил на огромный презерватив с водой, в нескольких местах перетянутый ушедшими в складки веревками. Наверно, по причине этого сходства, которое до неприличия усиливала мокрая от пота рубашка, слова о свободном сексе показались вполне уместными* [Там же, с. 321]. По-видимому Пелевин разделяет мнение исследователей, утверждающих в статье «Диктатура безумия», что передача «Телепузики» формирует в детях «склонность к асоциальному поведению, девиантности и депрессии; <...> прибавим к этому крепко усвоенные

в младенчестве неправильные связи элементарного вербально-визуального ряда <...>, и мы получим портрет будущего неудачника и преступника – потребителя наркотиков» [10]. Телепузик у Пелевина – «бич современности», когда телевизоры и экраны компьютеров стали заменять собой человеческое общение и книги.

Чревоугодие – неумеренная жадность в еде, грех против второй заповеди («Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху и что на земле внизу, и что в водах ниже земли не поклоняйся им и не служи им; ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, за вину отцов наказывающий детей до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои» [Бт. V: 4–6]), «есть один из видов идолопоклонства» [3, с. 737]. В рассказе этот грех олицетворяет Монтигомо: *Я сладкоежка, – сказал сидевший слева от Барби мужчина с орлиным носом и татуировкой «Монтигомо» на руке. – Чревоугодник, можно сказать. Люблю шоколадки, пончики с сахарной пудрой, пирожные* [14, с. 320]. Отметим, что Монтигомо Пелевина имеет еще один вид идолопоклонства (помимо чревоугодия), так как его татуировка, отсылающая к рассказу А.П. Чехова «Мальчики», – это имя индейца, героя, которым восхищались дети в СССР: *Чечевицын грустно улыбнулся и добавил: – А также индейцы нападают на поезда. Но хуже всего это москиты и термиты. – А что это такое? – Это вроде муравчиков, только с крыльями. Очень сильно кусаются. Знаете, кто я? – Господин Чечевицын. – Нет. Я Монтигомо, Ястребиный Коготь, вождь непобедимых* [18, с. 427]. В журнале «Огонек» А. Аничкин пишет об этом: «Имя индейского вождя будто взято из американского приключенческого романа о Диком Западе. Ко времени написания чеховского рассказа в 1887 г. книги Фенимора Купера и Майна Рида уже прочно вошли в число любимых у молодых российских читателей. <...> Рассказ быстро стал одним из самых популярных, а Монтигомо, как и многие другие чеховские персонажи, приобрел нарицательное значение» [1, с. 48]. Упоминается Монтигомо и в романе В.А. Каверина «Два капитана»: *Монтигомо Ястребиный Коготь, я его когда-то так называла* [7, с. 210]. А. Аничкин утверждает, что популярность имени Монтигомо связана с экранизацией романа В.А. Каверина: «В 1955 году вышла экранизация книги. Именно с этим популярным фильмом постепенно стал связываться Монтигомо» [1, с. 49]. У Пелевина Монтигомо *действительно походил на индейца острыми чертами лица и темно-красным загаром, который бывает у жителей тропиков и алкоголиков с больными почками* [14, с. 320]. Называя своего персонажа этим именем, Пелевин создает некую аллюзию на детские игры в неведомых индейцев, разительные для подрастающего поколения в советские годы. Но писатель намеренно снижает образ благородного индейца, высмеивая стереотипы читательского восприятия: его Монтигомо не рыцарь, не романтик, а всего лишь сладкоежка и алкоголик.

Уныние – состояние апатии и подавленности: «Тоска на сердце человека подавляет его» [Пр. XII: 25] – проявляется в образе Родины-матери. Традиционно этот «агитационный образ оказался настолько проникновенным и впечатляющим, что стал подлинным шедевром» [8]. В «Фокус-группе» В. Пелевина это *седая старушка в красном платье, и правда похожая на Родину-мать после демобилизации с военного плаката* [14, с. 321]. По-видимому, автор в своем персонаже персонифицирует печаль нашей Родины-матери, высокие понятия которой – о долге, чести, справедливости – нередко отторгаются поколением сегодняшних неблагодарных «детей»: «Женщина в ниспадающем с головы платке теперь звала на распродажи с беспрецедентными скидками и на церемонии открытия новых торговых центров. <...> нам неловко за «продвинутых современников». Что угодно можно обесценить, опозлить при желании», – пишет С. Коренева [8]. Таким образом, писатель высмеивает общество массового потребления и свойственной ему рекламой товаров и услуг, обещающих комфортную, сытую и бездуховную жизнь.

Итак, в рассказе «Фокус-группа» Пелевин постмодернистски обыгрывает серьезную тему «испорченности» современного человека, плененного благами цивилизации и не замечающего своей нравственной опустошенности. Библийский контекст позволяет автору напомнить читателям о смертных грехах, не зависящих от того, знакомы мы с Библией или легкомысленно живем, ее не открывая

и не задумываясь о неотвратимости расплаты за несовершенство своей природы и несправедливость многих поступков.

Литература

1. Аничкин А. След когтя // Огонек, 2012. №5. С. 48–50.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384–391.
3. Библийская энциклопедия. 3-е изд. М.: ЛОКИД-ПРЕСС; РИПОЛ классик, 2005.
4. Бодрийяр Жан. Симулякры и симуляция / пер. О. А. Печенкина. Тула: 2013.
5. Вагина А.С. Гоголевские реминисценции в книге В. Пелевина «Диалектика Переходного Периода: из Ниоткуда в Никуда». URL : <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gogol/1.html> (дата обращения: 12.10.2016)
6. Добин Е.С. Сюжет и действительность. Искусство детали. Л. : Советский писатель, 1981.
7. Каверин В.А. Два капитана. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1981.
8. Коренева С. История плаката Родина-мать зовет // Новый пенсионер, 2012. 23 июня URL : <http://www.pencioner.ru/news/moya-istoriya/istoriya-plakata-rodina-mat-zovuet/> (дата обращения: 05.12.2016)
9. Маяковский В. В. Левый марш // Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1956. С. 23–24.
10. Медведева И., Шишова Т. Диктатура безумия. URL : <http://www.pravoslavie.ru/62.html> (дата обращения: 01.12.2016)
11. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. Т. 1. М.: Совет. энциклоп., 1987.
12. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. Т. 2. М.: Совет. энциклоп., 1988.
13. Отец Серафимъ (Роуз) Душа после смерти. М.: Русский Паломникъ», 2010.
14. Пелевин В. О. ДПП (НН) // Полное собрание сочинений в 16 т. Т. 7. М: Эксмо, 2015.
15. Смирнова О. О. Знаки идентичности героев Пелевина (на примере романов «Омон Ра», «Generation „П“», «Числа») // Вестник РУДН. Теория языка. Семиотика. Семантика, 2015. №2. С. 142–149.
16. Сухих И. Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова. Л.: Изд. Ленинградского ун-та, 1987.
17. Чехов А. П. Дама с собачкой // Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Т. 10. М.: Наука, 1983. С. 128–143.
18. Чехов А. П. Мальчики // Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Т. 6. М.: Наука, 1983. С. 424–429.
19. Шекспир В. Отелло // Полное собрание сочинений в 14 т. Т. 8. М.: ТЕРРА, 1994. С. 239–468

MORDVINKINA E.A.

Volgograd State Social-Pedagogical University

THE STORY «THE FOCUS GROUP» FROM THE NOVEL BY V. PELEVIN «DPP (NN)» IN THE BIBLICAL CONTEXT

The features of the characters names in the story «The Focus Group» from the novel by contemporary writer V. Pelevin «DPP (NN)», evokes associations with the biblical texts.

Key words: Bible, author, character`s name, simulacre, sin.